

Давид ЛЕРНЕР:

КОГДА БАРЖА
СО "ШПИОНАМИ" ОТЧАЛИЛА,
Я УСЛЫШАЛ КРИК: *Вес. клуб. - 2001*
- 14 дек. - с. 5

"ДАВИД, БЕРЕГИ РУКИ!"

Свой первый сольный концерт Давид Лернер с потрясающим успехом сыграл в 23 года. Его должны были убить в 37-м, но почему-то не убили. Хотели кинуть с винтовкой на передовую в 42-м, но оставили "служить" у рояля. Ну а слава не покидала его никогда.

За свою долгую сценическую жизнь Давид Михайлович аккомпанировал десяткам солистов Большого театра. Среди них Иван Козловский, Наталья Шпиллер, Павел Лисициан, Пантелеймон Норцов, Соломон Хромченко, Александр Иванов, Ирина и Леокадия Масленниковы. С Лернером выступали знаменитые иностранцы: Николай Гедда, Маргарита Уоллен, Поль Робсон. Двадцать лет он был незаменимым аккомпаниатором Марии Максаковой. Пятнадцать - Сергея Лемешева.

Родился Давид Михайлович в 1909 году в Жмеринке, в семье фотографа. В 14 поступил в Киевскую консерваторию. После призыва в армию был направлен, в симфонический оркестр ЦДКА, а когда отслужил, стал артистом Московской филармонии.

- И тут меня уговорили поехать на Камчатку — работать в местном радиокомитете. Я воскликнул: "Ну это же у черта на куличках!" Объяснили: мол, всего на несколько месяцев, сулили большие деньги, обещали невиданную природную экзотику... По дороге "к черту на кулички" я совершил, пожалуй, самый фантастический поступок в своей жизни: в течение двух месяцев вез с собой специально купленный в московском комиссионном магазине рояль. Это был первый рояль на камчатской земле! Шел 1936-й год. А еще через год почти всю мою семью развезли в "черных воронках". Я работал простым пианистом. А меня обвинили в измене родине, участии в контрреволюционной организации, терроре, диверсии. Арестовали тестя, тещу. Не тронули только жену, певицу Наташу Несмеянову. Ей было всего 19 лет, и она была комсомолкой. Помню, когда баржа со "шпионами" отчалила от берега, я только услышал из прощальной сутолоки на петропавловском пирсе пронзительный Наташин крик: "Давид, береги руки!"

Когда я вышел, честно говоря, понятия не имел, кому после всего этого буду нужен. Только война вернула меня к реальности. Меня направили мичманом в Ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота. Кстати. Под моим началом драил палубу краснофлотец Борис Брунов.

— Давид Михайлович, а как вы познакомились с Марией Петровной Максаковой?

— Свел случай. В 1953-м у нее, уже признанной солистки Большого театра, не было подходящего аккомпаниатора, и ей предложили меня. После первого же концерта Мария Петровна написала мне: "Наш экзамен прошел на отлично. Спасибо". Только за 1954 год мы сделали сто концертов и не расставались целых 20 лет.

— Назовите тройку лучших голосов России, по вашему мнению.

— Из нынешних назвать кого-либо практически невозможно. Потому что как только у нас появляется интересный певец, он тут же оказывается за бугром. Они поют в микрофон, а это уже, извините, чистой воды эстрада. Возможно, я очень строго сужу, но мне есть с кем сравнивать. Шаляпин (я храню все его одиннадцать пластинок!), Лемешев, Козловский... Голоса мирового уровня. Среди женщин — Максакова, Обухова, Давыдова, Катусья... Какие залы мы собирали! Помню: приезжаем с Марией Петровной Максаковой в Норильск и даем девять сольных концертов подряд. При полных аншлагах! Разве сейчас это возможно? С классикой у нас вообще катастрофа. Такое впечатление, что и радио, и телевидение классическую музыку просто игнорируют. Единственное место, где можно отвести душу — это Большой зал консерватории, там еще теплится жизнь. Сейчас все захватила эстрада, низкий уровень, серятина. Аккомпанировать некому — великие ушли из жизни, вот я и ушел... в солисты.

— Интересно, какой репертуар у Лернера-солиста?

— Разумеется, никакой пианист не сможет обойтись без Шопена, Листа, Рахманинова, Чайковского, Скрябина, без Лунной сонаты Бетховена. Современную музыку я вообще не воспринимаю — в этом я жесткий консерватор. То же касается и живописи. Черные квадраты не для меня.

— Сами музыку не пробовали писать?

— Был грех. Когда началась война — а застала она меня на Камчатке, — я сразу написал музыку к стихам Лебедева-Кумача "Вставай, страна огромная!" Еще до Александрова. Но даже не просите, не сыграю, не осталось даже нот.

— Ходили слухи, что из-за своей нетрадиционной ориентации Вадим Козин сдавал НКВД своих коллег и из-за этого "лег на дно" в Магадане.

— Это не слухи. Только очутился он там не по своей воле.

Кстати, я встречался с ним во время магаданских гастролей. Он уже жил свободно, был почетным руководителем местной филармонии и в Москву возвращаться отказывался наотрез. Мы сидели в его небольшой однокомнатной квартире, немного выпивали. Он играл на пианино и пел свои новые песни. Козловский тоже был, если так можно выразиться, нетрадиционной ориентации — его не интересовали ни те, ни другие. Только творчество! А вот Лемешев обоим полная противоположность. О! Вы не представляете, сколько женщин теряли от него голову! Они колесили за ним по всей стране, лишь бы еще раз увидеть своего кумира. Где бы они ни гастролировали, цветы присылали аж из Москвы. Прежние молоденькие девушки давно вышли в пенсионерки, но до сих пор — с 77-го года, как он умер — ухаживают за его могилой на Новодевичьем кладбище. Цветы, свечи там всегда. Чего, к сожалению, нельзя сказать о могиле Ивана Семеновича Козловского. Она забыта, долго была без памятника, бурьяном заросла, и это больно...

— Как часто великие певцы выходили на сцену?

— Мы не гнались за количеством концертов. Например, Лемешев пел раз в три дня. Но Максакова могла петь каждый день... Вообще с ними было очень легко, они были обыкновенные советские люди, без всяких, прости Господи, звездных болезней. Этих фокусов мы просто не знали, а честно делали свое дело. С Марией Петровной, кстати, мы дружили семьями.

— Давид Михайлович, жизнь музыканта способствует всевозможным приключениям, амурным похождениям?

— Все зависит от человека. Лично я совершенно нормальный, спокойный. Мы прожили с первой супругой Натальей Филипповной 59 лет душа в душу до самой ее смерти. Сейчас вот уже как пять лет рядом со мной мой близкий друг и соратник Галина Павловна. Я никог-

да не курил, могу с рюмкой водки просидеть целый вечер. А о партнерах я не буду говорить — у каждого свои особенности. (Смеется.)

— Интересно все-таки, какие?

— Максакова — была интеллигентнейшая женщина, очень строгих правил. А Лемешев? Любимец дам, но даже в окружении огромного числа поклонниц старался держать себя в рамках. Выпить любил, но всегда знал меру. Женат был восемь раз и, кстати, последняя жена, Вера Николаевна Кудрявцева, здравствует до сих пор. Были — правда, намного меньше — поклонницы и у Козловского. Они так и делились — на "лемеших" и "козлянисток".

— Расскажите, как вы познакомились с Полем Робсоном.

— Очень просто. Меня ему рекомендовали в качестве аккомпаниатора, когда он в первый раз посетил Москву. А когда приехал во второй — сразу сказал: "Только Лернера!" Он, кстати, немного говорил по-русски. Останавливался только в гостинице "Советская". Ему снимали шикарный номер за 200 рублей.

— Что было у него в репертуаре?

— Не много. Советские и негритянские песни, обязательно "Широка страна моя родная". Это была его коронка.

— Вы думаете, классика медленно, но верно умирает?

— Никогда! Недавно я давал концерт в одном из санаториев Судака. В зале сидели бывшие блокадники, инвалиды, многие вообще никогда в жизни не слышали классической музыки. Позже они подходили, благодарили, некоторые даже плакали. Или вот Фонд имени Скрябина пригласил меня в круиз на теплоходе к острову Валаам. Вместо запланированных двух концертов я дал три, причем с разными программами. Когда мы вернулись, директор-распорядитель круиза сказал: "Давид Михайлович! Я вас приглашаю на любые рейсы и в любой день, когда вы только сможете!" Бывает, сядешь где-нибудь за рояль — вро-

де никого вокруг; что-нибудь сыграешь, оглянешься — а уже обступили со всех сторон. И не отпускают по несколько часов.

— Какие раньше были заработки у артистов вашего профиля и уровня?

— По тем временам очень неплохие. Жить было можно. И главное: работай, сколько хочешь — никаких лимитов, никаких, как потом их стали называть, левых концертов. Был такой солист Большого театра Киричек, очень популярный в те годы, он очень хорошо пел советские песни типа "Прощайте, скалистые горы", великолепно знал классический репертуар. Так вот, мы с ним поехали на гастроли на Дальний Восток на три месяца, а вернулись через... тридцать три. У меня в то время супруга заболела энцефалитом, нужны были дорогие лекарства. Вот я и зарабатывал.

— Ну, к примеру, сколько стоил тогда один концерт?

— У меня была высшая концертмейстерская ставка — примерно 50 рублей. У Максаковой и Лемешева тоже высшая — 203 рубля.

— И много удалось скопить на черный день?

— Ни-че-го. Ведь тогда не было такого накопительского ажиотажа, как сегодня.

— Тогда чем же сегодня живет солист-одиночка?

— А у меня две пенсии — основная, ветеранская, и вторая — президентская. Нынешние мои выступления, с одной стороны, в основном благотворительные, а с другой — я просто обязан поддерживать форму.

Свое девяностодвулетие Давид Лернер встретил народным артистом России — это звание он получил в 96-м. Да и заслуженным стал только в 91-м году: представление пролежало в Министерстве культуры СССР 29 лет. Но Давид Михайлович не в обиде. Считает, грех ему на судьбу жаловаться.

Встречался
Андрей КОЛОБАЕВ

Лернер Давид Михайлович
14.12.01